

*Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского*

Зональная научная библиотека имени В. А. Артисевич

представляют

виртуальную выставку одной книги

А. Твардовский

«Фронтовые стихи»

Издание 1941 года из фонда ЗНБ СГУ

Саратов

2020

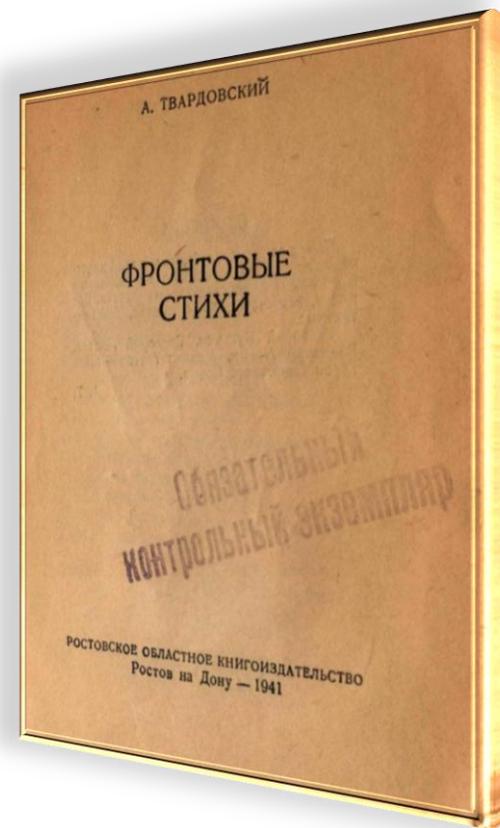
*Фотография А. Т. Твардовского
работы М. С. Наппельбаума.
Начало 1940-х гг.*

21 июня 2020 года исполняется 110 лет со дня рождения Александра Трифоновича Твардовского, поэта и прозаика, журналиста, главного редактора журнала «Новый мир», автора книги «про бойца без начала, без конца» – поэмы «Василий Тёркин», получившей всенародное признание, лучшей книги о войне, написанной на войне и удостоенной в 1946 году Сталинской премии первой степени.

Предшествовали поэме отдельные стихи, выходившие из-под пера молодого тогда поэта на его первой войне – советско-финляндской (1939–1940), где в числе других писателей Александр Твардовский был военным корреспондентом от газеты Ленинградского военного округа «На страже Родины». В ней же с ноября 1939 года и публиковались первые поэтические зарисовки поэта.

Несколько стихотворений тех лет вошло в сборник «Фронтовые стихи», изданный в первые дни Великой Отечественной войны в Ростовском областном книгоиздательстве (Ростов-на-Дону). К печати книга была подписана 24 июня 1941 года, вышла тиражом 4 тыс. экземпляров.

В фонд библиотеки поступила 29 декабря 1944 года как обязательный контрольный экземпляр.

О советско-финляндской войне А. Твардовский вспоминал: «<она> была для меня не только первой войной, но и первой по-настоящему близкой встречей с людьми армии. В дни боев я глубоко уяснил себе, что называется прочувствовал, что наша армия – это не есть особый, отдельный от остальных людей нашего общества мир, а просто это те же советские люди, поставленные в условия армейской и фронтовой жизни.

<...> мне были дороги люди, с которыми я успел повстречаться, познакомиться, поговорить на Карельском перешейке. Шофер Володя Артюх, кузнец-артиллерист Григорий Пулькин, танковый командир Василий Архипов, летчик Михаил Трусов, боец береговой пехоты Александр Посконкин, военврач Марк Рабинович – все эти и многие другие люди, с которыми я подолгу беседовал, ночевал где-нибудь в блиндаже или уцелевшем во фронтовой полосе переполненном доме, не были для меня мимолетным журналистским знакомством, хотя большинство из них я видел только раз и недолго. О каждом из них я уже что-то написал – очерк, стихи, – и это само собой, в процессе той работы, заставляло меня разбираться в своих свежих впечатлениях, то есть так или иначе «усваивать» все связанное с этими людьми».

ОТ АВТОРА

Почти все стихи, собранные в этой книжке, написаны во время боев с белофинами и основаны на действительных фактах. Все имена, встречающиеся в стихах, действительные.

Григорий Пулькин, Григорий Лаптев, Владимир Артюх, Михаил Трусов — ныне Герои Советского Союза.

А. Т.

Открывает сборник стихотворение «Наступление», посвящённое 123-й стрелковой дивизии – формированию РККА во Второй мировой войне.

Дивизия особо отличилась при прорыве линии Маннергейма 11 февраля 1940 года, за что была награждена орденом Ленина, а 26 бойцов и командиров получили звание Героев Советского Союза.

Генерал-майор Филипп Фёдорович Алябушев (1893–1941), командир 123-й дивизии, вспоминал: «10 февраля пришел приказ: частям дивизии 11 февраля перейти в наступление. Было указано, что час атаки будет сообщен дополнительно. Вечером нам указали и час атаки: 12.00.

Незабываема ночь с 10 на 11 февраля. Никто в дивизии не спал. Шла окончательная подготовка к прорыву. Артиллерия танки, пехота занимали свои места, согласно плану. Командный пункт дивизии перешел на другое, заранее подготовленное место (высота 54,2), ближе к огневым позициям. Связь там была уже готова.

К 8 часам все части заняли свои исходные рубежи и замаскировались так, что даже я с трудом мог обнаружить некоторые танки, хотя и знал о месте их пребывания.

На поле предстоящего боя не было никого.

В эту напряженную ночь я побывал почти во всех подразделениях и всюду наблюдал такую уверенность в победе, такой порыв вперед, на штурм линии Маннергейма, что стало ясно: теперь ничто не может остановить бойцов!

Бойцы крепко верили в своих командиров, и настроение у них было приподнятое. Все чувствовали, что предстоит одно из величайших в истории сражений, которое решит дальнейший ход войны».

НАСТУПЛЕНИЕ

*Сто двадцать третьей
ордена Ленина дивизии посвящается*

Еще курились на рассвете
Землянок редкие дымки,
Когда полки Сто двадцать третьей
К опушке вынесли штыки.
В лесу, не стукнув, сняли лыжи,
Исходный заняли рубеж.
Был воздух сух, морозом выжат,
И с ночи снег был чист и свеж.
А тишина была такая,
Как будто все, что есть вокруг,
Весь мир от края и до края
Прислушивается...

И вдруг —
Земля — вперед! Качнулись сосны,
А иней — точно дым с ветвей.
Огонь рванулся смертоносный
С укрытых наших батарей.
И шепелявый визг металла
Повис над самой головой.

3

И лес оглох. И ясно стало,
Что — началось. Что это — бой.
И небо всех и всё пригнуло
К земле, как низкий потолок.
И в блиндажах со стен от гула
Потек песок...

Под канонаду со стоянки,
В снегу, как в мельничной пыли,
С разгону вздыбленные танки
Почти неслышные прошли.

И вслед за огневым налетом
К высотам, где укрылся враг,
Пошла, пошла, пошла пехота,
Пошла, родимая...

Да как!

Еще орудья не остыли
От краткой яростной пальбы,
Еще стволы деревьев ныли,
Как телеграфные столбы, —
Бойцы уже едва виднелись
На сером, вспаханном снегу,
Бежали в рост у самой цели,
Шинели сбросив на бегу.

Одни из тех, что шли вначале,
На полпути еще легли.
Живые знамя расправляли
В дыму, вдали...

4

И к тем живым — свои, живые
Бежали, шли, тянули связь.
И даже кухни полевые
В тылу подвинулись дымясь.

Вперед, вперед — катилась лавой
Дивизия. Была она
Своей сегодняшней славой
Еще в тот день озарена...

*

Григорий Михайлович Лаптев родился 23 января 1915 года в посёлке Руднечное ныне Саткинского района Челябинской области в семье рабочего. Русский. Член ВКП(б) с 1940 года. В 1930 году окончил горнопромышленное училище. Работал бурильщиком в геологоразведочной партии Бакальского рудоуправления.

В 1937 году Г. М. Лаптев был призван в ряды Красной Армии. Находясь на действительной военной службе, он овладел специальностью артиллериста-наводчика. В период советско-финляндской войны 1939–40 годов младший комвзвода Григорий Лаптев был командиром 122-мм орудия.

23 декабря 1939 года батарея, в состав которой входило его орудие, вела огонь по дотам противника у железнодорожной станции Пэрк-Ярви на Карельском перешейке. Позиции батареи были атакованы большой группой финской пехоты. В то время, когда личный состав во главе с командиром батареи, заняв круговую оборону, отражал атаки белофиннов огнем винтовок и пулемётов, орудия открыли огонь прямой наводкой. Стрельба велась буквально в упор. Расчёты орудий несли потери от автоматного огня противника, но продолжали стрелять.

У третьего орудия остался один Лаптев, но его орудие не умолкало ни на минуту. Он сам подносил снаряды, заряжал и производил выстрел. Трудно было одному выполнять все эти операции, но Лаптев продолжал стрельбу. В разгар боя к орудью подполз кузнец батареи красноармеец Пулькин. Он начал подносить снаряды и помогать Лаптеву вести огонь. Бой продолжался около 5 часов и позиция была удержана.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1940 года за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом доблесть и мужество младшему комвзвода Лаптеву Григорию Михайловичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После войны герой-артиллерист остался в армии. В 1941 году окончил Ленинградское артиллерийское училище.

С первых дней Великой Отечественной войны лейтенант Лаптев, участвовал в боях с немецко-фашистскими захватчиками. командовал огневым взводом. В июле 1942 года пропал без вести.

МАТЬ ГЕРОЯ

Из деревни отдаленной
Пишет в полк старуха-мать,
Пишет Лаптева Олена,
Просит правду отписать.

Отписать-ответить вскоре
Хоть простым, хоть заказным:
Что так долго сын Григорий
Ей не пишет? Что там с ним?

Как он, рбдный, где он, кровный?
В ночь до света не заснуть,
Не забыться. Жив, здоров ли?
Или вовсе что-нибудь...

Край неблизкий, свет не хата, —
Ничего не слышит мать.
Или почта виновата?
Так ли, нет ли — только б знать...

День за днем идут-проходят,
Всё гадает про ответ.

6

То на сердце легче вроде,
То подступит — мочи нет.

Умываться ль станет кошка,
Нож ли на пол упадет,
Снег ли хрустнет под окошком —
И — не веря — сердце ждет.

Час пришел. Стоял морозец.
Послыхала из сеней —
Скрипнул близко письмоносец
Сумкой кожаной своей.

И в тоске невыразимой
Сжала руки на груди.
Проходи ты, горе, мимо,
На порог не заходи!

Вот письмо. Письмо про сына.
Заняла дыханье боль.
Правды всей сама просила,
Да узнать ее легко ль?

Как прочесть письмо такое?
Только радость с первых слов:

«Сын Ваш Лаптев, храбрый воин,
Жив и весел и здоров.

7

Сообщить Вам нынче рады,
Что за редкий подвиг он
Самой высшею наградой
По Указу награжден.

Он стоит, герой, на страже,
И от нашего лица,
От полка, спасибо наше
Вам за сына-храбреца.
Шлем его привет сыновний,
Он еще напишет сам...»

Под последней строчкой ровной
Подпись книзу: «комиссар...»

Что прошло — минута, час ли,
Или канул год в дыму?—
Не бывало столько счастья
Сразу, вдруг, в одном дому.

И пришло на память старой
Все, что может вспомнить мать.

Хорошо и комиссару
Весть такую посылать...

*

Григорий Степанович Пулькин родился 12 (25) января 1916 года в д. Петропавловка Стерлитамакского района Башкирии. Русский. Образование среднее. Член ВКП(б) с 1941 года. До призыва в армию работал в колхозе.

В Красную Армию призван в 1937 году Стерлитамакским райвоенкоматом Башкирской АССР. Участник советско-финляндской войны 1939-1940 годов.

Кузнец артиллерийской батареи 28-го артиллерийского полка (19-й стрелковый корпус, 7-я армия) красноармеец Г. С. Пулькин во время боя 23 декабря 1939 года у железнодорожной станции Пэрк-Ярви на Карельском перешейке проявил беспримерное мужество и героизм. При отражении атаки финнов на артиллерийскую батарею, где Пулькин был ковочным кузнецом, он заметил, что у одного из орудий весь расчёт выведен из строя. Он принял бой вдвоем с оставшимся наводчиком орудия, поражая противника прямой наводкой. Когда вражеские солдаты, обходя батарею с флангов и с тыла, подожгли ящики с боеприпасами, он

продолжал разить атакующих из винтовки и гранатами, затем вступил в рукопашную схватку, пока с наблюдательного пункта не подошла помощь во главе с командиром батареи. В этом бою, длившемся около 5 часов, Г. С. Пулькин уничтожил из орудия более 100 финских солдат, нескольких истребил в рукопашной схватке, взял в плен.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1940 года за мужество и героизм, проявленные при отражении атак белофиннов на артиллерийскую батарею, Григорию Степановичу Пулькину присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 212).

После окончания советско-финляндской войны Г. С. Пулькин продолжил службу в Красной Армии. В июне 1941 года окончил артиллерийское училище, а в 1943 году – Высшую ордена Ленина Краснознамённую артиллерийскую школу. В годы Великой Отечественной войны участвовал в боях на Юго-Западном, Северо-Западном и Смоленском направлениях, на Калининском и 1-м Украинском фронтах, пройдя путь от рядового до гвардии майора, командира артиллерийского дивизиона.

12 января 1945 года гвардии майор Григорий Степанович Пулькин погиб при освобождении Польши. Похоронен на северо-восточной окраине села Борак Стонийского воеводства (Польша).

ГРИГОРИЙ ПУЛЬКИН

Когда кузнец — кузнец хороший,
В искусстве ковочном горазд,
Любой крови любая лошадь
Ему с охотой ногу даст.
Когда рука его набита,
Он лишь прищурится слегка
И посылает гвоздь в копыто
Одним ударом молотка.
И у него в дивизионе —
Приди любой, проверь сейчас, —
Как на заказ, обуты кони
По мерке, точно, в самый раз.
И на крутом подъеме тяжком,
Когда орудье вниз рванет,
Артиллерийская упряжка
Не будет зубы бить об лед.

Мороз. В лесу звенят сосульки,
Подкова рубит лед сухой.
Твоей она, Григорий Пулькин,
Умелой пригнана рукой.

9

Но сам он это в счет не ставил.
Случился день, когда в бою
И сверх того еще прославил
Кузнец фамилию свою.

Кругом земля стонала стоном,
И осыпь снежная с ветвей
Ложилась белою попоной
На спины потные коней.
Глотали люди снег с устатку,
Любой работал за троих,
Но приходилось по десятку
Солдат на каждого из них.
У ног живых в снегу лежали
Убитые. Редел народ.
Носилок раненые ждали,
Не доходил до них черед.

В разгаре боя у опушки
Вдруг увидал кузнец в дыму,
Что остается возле пушки
Один наводчик, и к нему —
Помочь. Ну что ж, не гнать обратно.
— Гляди — шнурок. Вперед не лезь.
Как крикну, дергай...
— Есть! Понятно.
— Да сам пригнись.
— Понятно. Есть!

10

И хоть впервые с пушкой рядом
Стоял кузнец, однако смог
Таскать наводчику снаряды,
По знаку дергать за шнурок.
Казалось так: покуда живы,
Решили разом тот и тот,
Уговорились молчаливо
Стоять вдвоем за весь расчет.
И знали оба, что, быть может,
Они уже окружены,
Что только жизни подороже
Они отдать свои должны.

А цель противника все ближе
Ползла, росла из-за кустов.
Штыки, халаты, каски, лыжи,
Дыханья пар из сотен ртов —
Уже вблизи...

Но двое грудью
Атаку встретили.
— Огонь!..
Прямой наводкой из орудья
В ста метрах дали раз, другой...

Угрюмо вниз глядело дуло.
Кого осколок не сразил,
Того волной воздушной сдуло —
С тех пор он хлеба не просил.

11

Столбами черными в пожаре
Взлетала мерзлая земля.
Вдвоем атаку отражали
Бойцы, как два богатыря.
И так в бою кузнец старался,
Так управлялся в свой черед,
Что мельком даже улыбался
Наводчик, утирая пот.

Когда ж от наших пулеметов
Пошла в лесу трещать кора
И понесла вперед пехота
Свое упрямое «Ура!»
Когда бойцы вздохнули вместе
И стихнул пуль последних свист,
Он похвалил его по чести,
Толкнул в плечо:
— Артиллерист!..

Тот к пушке подошел, усталый.
Металл был тепел под рукой,
И пахло, точно в кузне старой,
Огнем, окалиной сухой,
Землей натопанной. Работа
Была похожая вполне.
На сером ватнике от пота
Пробился иней на спине.
Ломила усталь в пояснице,
Дрожмя дрожали пальцы рук.

И снегу чистого — помыться —
Ни горсти не было вокруг.

Уже у всех кузнец в помине,
Уже с людьми большими в ряд.
Уже родители о сыне,
Наверно, речи говорят,

А он у дела, как обычно, —
На службе срочной. И порой
Ему в героях непривычно,
Но как бы ни было — герой.

И у него в дивизионе —
Приди любой, проверь сейчас —
В порядке всё: обуты кони
По мерке, точно, в самый раз.

Владимир Кузьмич Артюх родился 7 сентября 1907 года в городе Вильно в семье рабочего. Русский. Образование неполное среднее. В 1927 году переехал в город Ленинград. Пришел работать на завод «Треугольник», освоил специальность вулканизатора. Затем перешел работать по той же специальности в автопарк Ленавтотранса, без отрыва от производства окончил автошколу им. Тимирязева. Стал работать водителем, на ЗиС-5 возил овощи для магазинов города. В 1939 году был уже шофером 2-го класса.

В 1939 году был призван в Красную Армию. Службу проходил шофером 7-го отдельного понтонно-мостового батальона. За ним был закреплен так называемый «козловой» полупонтон, с которого начиналось наведение переправы. Участник советско-финляндской войны 1939-40 годов.

Шофёр (7-я армия, Северо-Западный фронт) красноармеец Владимир Артюх, получив приказ доставить полупонтон для переправы через реку Тайпален-Йоки (Бурная), возглавил колонну машин. Несмотря на артиллерийский и пулемётный

обстрел, по разбитой дороге доставил полупонтон к берегу. За ним следом прибыли и другие машины с полупонтонами. Тем самым было ускорено оборудование переправы через реку.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 января 1940 года «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с финской белогвардейщиной и проявленные при этом отвагу и героизм» красноармейцу Артюху Владимиру Кузьмичу присвоено звание Героя Советского Союза вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 198). Он стал первым из военных водителей, удостоенных этой высшей степени отличия Советского Союза.

В 1942 году окончил Ленинградское военно-инженерное училище. Участвовал в боях на Ленинградском и Центральном фронтах. В Курском сражении был помпотехом командира автомобильного батальона. В 1945 году окончил Высшую офицерскую автомобильную школу.

Жил в городе-герое Ленинграде. Работал в Ленавтохозяйстве, таксистом в таксомоторном парке. Скончался 12 июня 1983 года. Похоронен в Санкт-Петербурге, на Южном кладбище.

Его имя увековечено на памятнике Героям-автомобилистам в Москве.

ШОФЕР АРТЮХ

Поначалу вроде
Песенки простой:
Жил Артюх Володя,
Парень холостой.

Жил, служил шофером,
За рулем был строг.
Впору, к разговору
Также выпить мог.

Вот и всё, что знали:
Есть такой шофер.
Вдруг его призвали
На военный сбор.

Много или мало
Дней прошло — война.
А ему сказала
Женщина одна:

14

— Хоть и посмеешься,
Может, надо мной,
Верю, что вернешься
С орденом домой.

Отвечал: — Не гордый,
Буду жив — вернусь.
А сказать про орден —
Я и не гонюсь...

И у переправы
В памятном бою
Не гадал про славу
Парень про свою.

Берег недалекий
Под огнем врага.
Тайпалеен-йоки —
Быстрая река.

Позади колонна —
Сотни грузовых,
И полупонтоны —
Шапками на них.

Впереди запнулись,
Некуда назад.
В очередь под пули
Сбились и стоят.

15

И кипит работа
Живо под огнем.
И — садись, пехота,
Вмиг перевезем!

Стремя на протоке
Гонит и кружит.
Тайпалеен-йоки
Позади лежит.

Наши с места в гору
Налегке спешат.
Руку жмет шоферу
Артюху комбат...

Парень отличился.
На три дня домой
С орденом явился,
С Золотой Звездой.

Вот он, возмужалый,
Но как был с лица.
Та, что провожала,
Рада без конца.

Гостя усадила,
Стол ему накрыт.
— Что ж, не страшно было?
— Страшно, — говорит. —

Всё к тому приспело,
Вырвись, путь открой.
На такое дело
Нужен был герой.

Время дорогое,
Путь в огне, в дыму.
Где ж искать героя?
Надо самому...

Смотрят белофинны,
Ошеломлены:
Мчит на них машина
С нашей стороны.

То не танк, не грозный
Катит броневик, —
То простой обозный
Серый грузовик.

Мчит без остановки
Впереди машин.
Человек с винтовкой
За рулем — один...

И пока шюцкору
Были в столбняке,
Наши понтонеры
Бросились к реке.

Страшно, только нужно, —
И об этом смолк...

Служба — это служба,
Подвиг — это долг.

Михаил Трофимович Трусов родился 15 ноября 1907 года в селе Березовка Уметского района Тамбовской области в крестьянской семье. Русский. Член КПСС с 1931 года. Окончил пять классов. Был рабочим.

В 1929 году призван в ряды Красной Армии. В 1933 году окончил Сталинградскую военную школу лётчиков. Участник советско-финляндской войны 1939–1940 годов.

Помощник командира эскадрильи 44-го скоростного бомбардировочного полка капитан М. Т. Трусов к середине февраля 1940 года совершил 16 боевых вылетов на бомбардировку живой силы и техники противника.

10 февраля 1940 года девять самолетов СБ из 44-го скоростного бомбардировочного авиационного полка под прикрытием пятнадцати истребителей И-16 из 7-го истребительного авиационного полка бомбили оборонительные укрепления противника. В бомбардировщик старшего лейтенанта М. Ф. Мазаева попал зенитный снаряд и он загорелся.

Пришлось садиться на озеро, находившееся на территории врага. К самолёту побежали финны. Но наши истребители пулемётным огнём быстро прижали их ко льду. Тем временем ведущий звена СБ капитан М. Т. Трусов приземлился рядом с машиной М. Ф. Мазаева, забрал экипаж и, прикрываемый огнём истребителей, взлетел.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года за образцовое выполнение боевых заданий командования и проявленные при этом отвагу и героизм капитану Трусову Михаилу Трофимовичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 267).

В боях Великой Отечественной войны с июня 1942 года. В 1942 году окончил курсы усовершенствования командного состава. Был командиром полка.

С 1945 года майор М. Т. Трусов – в запасе. Жил в городе Кирсанов Тамбовской области.

Скончался 3 января 1977 года. Похоронен в Кирсанове.

ВЫСШАЯ ЧЕСТЬ

С бомбежки летит эскадрилья до дому,
Морозное небо винтами гребет.
Вдруг видят товарищи: правый ведомый
От строя отстал самолет.

Казалось бы, что же? Простой не порядок,
Но тут, под обстрелом, иной разговор:
В машине Мазаева финским снарядом
Вдруг выведен правый мотор.

На правую плоскость огонь выбегает.
Итти на посадку решает пилот.
И вслед за подбитой машина другая —
На помощь Лобаев идет.

Куда он, парнишка, почти что безусый?
Тут летчик постарше и опытней был.
Фамилия летчика этого — Трусов,
А имя его — Михаил.

Минует минута, другая и третья,
И каждая так дорога!

19

Мазаев площадки еще не приметил,
И пламя по плоскости выстелил ветер,
И всё на глазах у врага.

И только что сесть удалось самолету,
Верхушки дерев задевая огнем,
С опушки строчат по нему пулеметы,
Бегут к озерку белофинские роты,
Троих оцепляют кругом.

Машина пылает. Стоят они трое:
Мазаев, да Климов, да Пономарев.
А вся эскадрилья встревоженным строем
Кружится над ними: — Не кинем, укроем!
И с воздуха рубит врагов.

Штурмуя опушку, с лихою ухваткой
Над лесом машины дают виражи.
Противник уже наступает с оглядкой.
Но что это? Трусов идет на посадку.
Возьми его! Вот он, держи!

И все остальное проходит так быстро —
Быстрее, чем этот рассказ.
Один в бомболоуки, а двое к радисту —
И все в самолете! И — газ!

Тут дерзости мало одной удивляться,
Хоть это и редкий пример.

20

Тут самое трудное было — подняться,
Но Трусов и это сумел.

Поднялся, пристроился правым ведомым,
И вновь эскадрилья вперед понеслась
Так стройно, как будто над аэродромом,
Над полем советским, родным и знакомым,
Минуту назад поднялась.

Все сделано чисто. Куда еще чище?
Друзья спасены, а врагу
Осталось на озере только огнище
Да след самолета на белом снегу.

У летчиков наших такая порука,
Такое заветное правило есть:
Врага уничтожить — большая заслуга,
Но друга спасти — это высшая честь.

Там снег с золой, песок с золой
Перемешались кашей.
То был налет наш огневой,
Работа пушек наших.
Спешил снаряд снаряду вслед
И было столько бито,
Что без отметки камня нет,
Вершка земли невзрытой.
Казалось, мы карьер вели
В обрушенной шахте.
И был отрыт из-под земли
Бетонный броненосец.
Вот он!
Он был отрыт, подбит, подбит,
И мог увидеть всякий
На той броне из толстых плит
Ударов наших знаки.
Его мы доняли огнем,
Но за стеной бетонной
Еще дышал, дежурил в нем
Противник оглушенный.
Он не дремал, глаза разул,
Чуть поднимись пехота —
Из уцелевших амбразур
Строчили пулеметы.
Укрыт броней, сидел в тепле,
А мы — в снегу сыпучем —
Ничком лежали на земле
У проволоки колючей.
И смельчаки из наших рот,
Бесценные ребята,
С рукой, протянутой вперед,
С винтовкой в ней зажатой,
В сугробах делав шаг, другой,
Продвигаясь не устали.
И снег поделанной стеной
Привалил их шинели.
Уже отсталое — никому
И храбрцу любому —
К откосу черному тому
Не добежать живому.
Но вот привстал еще один,
Другой — и мы за ними.
Был первым Шилев, командир,
Запомним это имя!
На тот откос он знамя нес,
Он звал нас за собою.
— Ура! За Родину! — неслось
Над белым полем боя.

И третий знамя подхватил,
Как в беге дежурил.
Церась рубили зубами бил,
Зачапали над его.
Его подхватили не смогли,
Он шил, и шил с нами.
Он добрался, он добрался
На взгорье наши знамя.
Еще на этом рубеже
держался врал упрямо.
Но знамя красное ушло
Вместе над баками горю.
И подполз, налегая к нам
С незанятой отдухи
Мы не бакали никому,
Встали всех на пути.
Бойцы, отчаянные образки
Свободы плава рывки,
Кубок подхватили к нам руки
Не шло, не шло кривилок.
Муть было сказано: — Не тронь!
И наше слово твердо.
А он по знамению — огонь.
И вновь слышишь впереди, ни слышь,
Потом, забудь забвю.
Мы охраняли нашу гавань
И наших братьев слово.
Мы не щадили никого
В бою за знамя наше,
Кубок каменный каменный за нас
Был каменный и прочее.
И в том я вижу неслых, все же
Твердыня, богины.
Забил он шил, забил он шаг —
Земля под ним гудела.
Не до веди, не до шил,
Как вырвалось с окаянью
В сев поделанной халты
Совсем же рабство.
И был раздумья откинул шил,
Носились тут шилы.
Кубок сразу рож не подхватил,
— Он шил! — разорившим.
Провисел знамя сваз в шил,
Тут шил гудело и шил...
И знамя наше шил
Тут шил шил шил на шил,
Красношнурные с шил.

БАЛЛАДА О КРАСНОМ ЗНАМЕНИ

Там снег с землей, песок с золой
Перемешались кашей.
То был налет наш огневой,
Работа пушек наших.
Спешил снаряд снаряду вслед,
И было столько бито,
Что без отметки камня нет,
Вершка земли невзрытой.
Казалось, мы карьер вели
В обрушенном откосе.
И был отрыт из-под земли
Бетонный броненосец.
Он был отрыт, помят, подбит,
И мог увидеть всякий
На той броне из толстых плит
Ударов наших знаки.
Его мы доняли огнем,
Но за стеной бетонной
Еще дышал, дежурил в нем
Противник оглушенный.

Он не дремал, глаза разул, —
Чуть поднимись пехота —
Из уцелевших амбразур
Строчили пулеметы.
Укрыт броней, сидел в тепле,
А мы — в снегу сыпучем —
Ничком лежали на земле
У проволоки колючей.
И смельчаки из наших рот,
Бесценные ребята,
С рукой, протянутой вперед,
С винтовкой в ней зажатой,
В сугробах делав шаг, другой,
Навек закоченели.
И снег поземкою сухой
Присыпал их шинели.
Уже считалось: никому —
И храбрцу любому —
К откосу черному тому
Не добежать живому.
Но вот привстал еще один,
Другой — и мы за ними.
Был первым Шилев, командир, —
Запомним это имя!
На тот откос он знамя нес,
Он звал нас за собою.
— Ура! За Родину! — неслось
Над белым полем боя.

А. Твардовский. «Баллада о Красном знамени». Стихотворение. Автограф. [1940].

Когда ж убитым он упал,
Бежавший вслед с другими
Схватил древко боец Лупан, —
Запомним это имя!
— За мной, ребята! — крикнул он
И кинулся на взгорок.
Не добежав, он был сражен,
Но шаг — и тот был дсрог.
И третий знамя подхватил,
Как в беге эстафету.
Героем третьим Зубец был, —
Запомним имя это!
Его противник не скосил,
Он жив и ныне с нами.
Он добежал, он водрузил
На взгорке наше знамя.
Еще на этом рубеже
Держался враг упорно,
Но знамя красное уже
Вилось над башней черной.
И подползти, подлезть к нему
С незанятой опушки
Мы не давали никому,
Держали всех на мушке.
Бойцы, отменные стрелки,
Следили неотрывно,
Чтоб протянуть к нему руки
Не мог, не смел противник.

Тут было сказано: «Не троны!»
И наше слово точно.
А он по знамени — огонь.
А мы огонь — по точкам.
И вновь ему — ни встать, ни сесть,
Ложись, забудь забаву.
Мы охраняли нашу честь
И наших братьев славу.
Мы не щадили ничего
В бою за знамя наше,
Чтоб подвиг павших за него
Был памятней и краше.
И в тыл к врагу неслася весть
Тревожная, большая.
Забыл он пить, забыл он есть, —
Земля под ним чужая.
Не до воды, не до еды,
Как ворвались с гранатой
В его подземные ходы
Советские ребята.
И для раздумья срок был мал,
Помедлишь тут едва ли.
Кто сразу рук не поднимал,
— Отжил! — рапортовали.
Пробился зимний свет в дыру,
Где днем темно и ночью...
И знамя наше поутру
Чуть трепыхалось на ветру,
Простреленное в клочья.

Опубликованное в сборнике стихотворение «Гармонь» полностью вошло в одноименную главу поэмы «Василий Тёркин». Твардовский добавил к тексту несколько строф в начале и в конце, именно из последней строфы читатель узнаёт, что герой «Гармони» – Василий Тёркин. «Вася Тёркин» был известен читателю с 1939–1940 года – с периода финской кампании. В то время в газете Ленинградского Военного Округа «На страже Родины» работала группа писателей и поэтов: Н. Тихонов, В. Саянов, А. Щербаков, С. Вашенцев, Ц. Солодарь и А. Твардовский.

«Как-то, обсуждая совместно с работниками редакции задачи и характер нашей работы в военной газете, – пишет Твардовский в статье «Как был написан «Василий Тёркин» (ответ читателям)», – мы решили, что нужно завести что-нибудь вроде «уголка юмора» или еженедельного коллективного фельетона, где были бы стихи и картинки. Затея эта не была новшеством в армейской печати. <..>

И вот мы, литераторы, работавшие в редакции «На страже Родины», решили избрать персонаж, который выступал бы в сериях занятных картинок, снабженных стихотворными подписями. Это должен был быть некий веселый, удачливый боец, фигура условная, лубочная. Стали придумывать имя. Шли от той же традиции «уголков юмора» красноармейских газет, где тогда были в ходу свои Пулькины, Мушкины и даже Протиркины (от технического слова «протирка» – предмет, употребляющийся при смазке оружия). Имя должно было быть значимым, с озорным, сатирическим оттенком. Кто-то предложил назвать нашего героя Васей Тёркиным, именно Васей, а не Василием. Были предложения назвать Ваней, Федей, ещё как-то, но остановились на Васе, Так родилось это имя».

ГАРМОНЬ

— Вот беда: во всей колонне
Завалищей нет гармонии,
А мороз — ни стать, ни сесть!

Снял перчатки, трет ладони,
Слышит вдруг:
— Гармонь-то есть...

Уминая снег зернистый,
Впеременку — пляс не пляс —
Возле танка два танкиста
Греют ноги прозапас.

— У кого гармонь, ребята?
— Да она-то здесь, браток... —
Оглянулся виновато
На водителя стрелок.

— Так сыграть бы на дорожку?
— Да, сыграть оно б не вред.
— В чем же дело? Чья гармошка?
— Чья была, того, брат, нет.

И сказал уже водитель
Вместо друга своего:
— Командир наш был любитель,
Схоронили мы его...

— Так... — С неловкою улыбкой
Поглядел боец вокруг,
Словно он кого ошибкой,
Нехотя, обидел вдруг...

Поясняет осторожно,
Чтоб на том покончить речь:
— Я считал: сыграть-то можно,
Думал — что ж ее беречь?

А стрелок:
— Вот в этой башне
Он сидел в бою вчерашнем...
Трое были мы друзья...
— Да нельзя, так уж нельзя.

Я, брат, сам понять умею,
Я вторую, брат, войну...
И ранение имею
И контузию одну.

И опять же, посудите,
Может, завтра с места в бой.
— Знаешь что? — сказал водитель. —
Ну, сыграй — и шут с тобой.

Только взял боец трехрядку,
Сразу видно — гармонист.
Для начала, для порядка
Кинул пальцы сверху вниз.

Что-то медленно по слуху
Подбирал, а между тем
На гармонь склонился ухом,
На другое сдвинув шлем.

Позабитый деревенский
Вдруг завел, глаза закрыв,
Стороны родной смоленской
Грустный шуточный мотив.

И от той гармошки старой,
Что осталась сиротой,
Как-то вдруг теплее стало
На дороге фронтовой.

От машин заиндевелых
Шел народ, как на огонь.
И кому какое дело,
Кто играет, чья гармонь?

Только двое тех танкистов —
Тот водитель и стрелок —
Всё глядят на гармониста,
Словно что-то невдомек.

Орест Вере́йский. Гармонь, 1943-1946.

Как ты, парень посторонний,
Что случился на пути,
Как сумел ты в их гармонии
Все заветное найти?

И, сменивши пальцы быстро,
Ты как будто в первый раз
Здесь повел о трех танкистах,
Трех товарищах рассказ.

Не о том ли — слово в слово, —
Не про них ли песня вся?..
И потупились сурово
В шлемах кожаных друзья.

А боец зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
Ах, какой вы все, ребята,
Замечательный народ!

Я не то еще сказал бы —
Про себя поберегу.
Я не так еще сыграл бы —
Жаль, что лучше не могу.

Я забылся на минутку,
Заигрался на ходу.
И давайте я на шутку
Это всё переведу...

Обогреться, потолкаться
К гармонисту все идут.
Обступают.

— Стойте, братцы,
Дайте на руки подуть.

— Отморозил парень пальцы,
Надо помощь скорую.
— Знаешь, брось ты эти вальсы,
Дай-ка ту, которую...

И опять — долой перчатку,
Оглянулся молодцом.
И как будто ту трехрядку
Повернул другим концом.

И забыто-не забыто,
Да не время вспоминать,
Где и кто лежит убитый
И кому еще лежать.

Плясуны — на пару пара —
С места кинулися вдруг.
Задышал морозным паром,
Разогрелся тесный круг.

Как пойдет иной работать,
Наступая и грозя,

Да как выдумает что-то,
Что и высказать нельзя.

Словно в праздник на вечерке,
Половицы гнет в избе,
Прибаутки, поговорки
Сыплет под ноги себе.

Подает за штукой штуку.
— Эх, жаль, что нету стуку!
Эх, друг,
Кабы стук,
Кабы вдруг —
Мощный круг!

Кабы валенки отбросить,
Подковаться на каблук,
Припечатать так, чтоб сразу
Каблуку тому — каюк.

А гармонь зовет куда-то,
Далеко, легко ведет.
Нет, какой вы все, ребята,
Замечательный народ!

Хоть бы что ребятам этим!
С места — в воду и в огонь.
Всё, что может быть на свете,
Хоть бы что — гудит гармонь.

Выговаривает чисто,
До души доносит звук...

И сказали два танкиста
Гармонисту:
— Знаешь, друг...

Нам теперь стоять в ремонте,
А тебе — маршрут иной.
Жизнь такая. А гармонь-то,
Знаешь что?.. Бери с собой.

Забирай, играй в охоту,
В этом деле ты мастак.
Весели свою пехоту...
— Что вы, хлопцы, как же так?..

— Ничего! — сказал водитель.—
Так и будет. Ничего.
Командир наш был любитель,
Это — память про него...

И с опушки отдаленной,
Из-за тысячи колес,
Из конца в конец колонны
— По машинам! — донеслось...

В сборник также вошли стихотворения 1940-го года «Спичка», «Жеребёнок», «В землянке».

СПИЧКА

Запас огня, залог тепла,
Она одна при мне была.

Одна в просторном коробке —
Как в горнице сухой.
Одна во всей глухой тайге,
Зажги — и нет другой.

Застыла коробом шинель,
Метет за воротом метель.

Вторую ночь в лесу встречай —
Той ночи нет конца.
Ну, спичка, спичка, выручай,
Не подведи бойца...

И чует жесткая ладонь,
Что уцелел под ней огонь.

И завились, как червячки,
Сучки — сушья пучок.

Трещат, как спелые стручки,
Стреляя в кожу щек.
Дымкой повитое тепло
Под рукава ползком зашло.

Разута правая нога.
Что ночь, что холод мне!
Вот как бывает дорога
И спичка на войне.

ЖЕРЕБЕНОК

Гнедой, со звездочкой-приметой,
Неровно вышедшей на лбу,
Он от своих отбился где-то,
Заслышав первую стрельбу.

И суток пять в снегу по брюхо
Он пробирался по тылам.
И чуть живой на дым от кухонь,
Как перебежчик, вышел к нам.

Под фронтовым суровым небом
Прижился он, привык у нас,
Где для него остатки хлеба
Бойцы носили прозапас.

Бойцы ему попонку сшили —
Живи, расти, гуляй пока.
И наши лошади большие
Не обижали стригунка.

И он поправился отменно,
Он ласку знал от стольких рук,

Когда один из финских пленных
Его у нас увидел вдруг...

Худой, озябший, косоротый,
Он жеребенка обнимал,
Как будто вечером в ворота
Его шутливо загонял.

А тот стоит и вбок куда-то
Косит смущенно карий глаз.
Его, хозяина, солдатом
Он здесь увидел в первый раз.

В ЗЕМЛЯНКЕ

Зима под небом необжитым
Застала тысячи людей.
И от зимы была защита
Земля. Что глубже, то теплей.

Две-три ступеньки для порядка,
Пригнись пониже всякий раз.
ЗаиндеVELOю палаткой
Завешен в землю темный лаз.

А там, внизу, под тем накатом,
Под потолком из кругляшей,
Там, как вползешь, — родная хата,
Махорки дым и запах щей.

Там рай земной. И в самом деле:
Зима любая не страшна.
И на разостланной шинели
Считает сахар старшина.

И, шевеля в губах окурков,
Сонливо глядя на огонь,

302636

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
при
Саргосуниверситете

37

Боец, парнишка белокурый,
Тихонько трогает гармонь.

И все пришедшие погреться
Сидят сговорчивым кружком,
Сидят на корточках, как в детстве,
Как в поле где-нибудь, в ночном.

И то сказать: юнцы, ребята,
Двадцатый год — рожденья год.
Но посмотреть на неженатый,
На этот стриженный народ —

Как все у нас расти спешили!
Вот были дети, вот — бойцы.
Идут, воют, как большие,
Как воевали их отцы.

Идут по тем краям суровым,
Где сто и двести лет назад
Еще с ружьем своим кремневым
Наш русский проходил солдат.

И, говоря о предков славе,
В огне войны, в снегах зимы
Они, юнцы, подумать вправе
И вслух сказать:

— Чем хуже мы?..

*

Завершается сборник стихотворением «Лучше нет», первая строфа которого послужила началом главы «От автора» поэмы «Василий Тёркин».

ЛУЧШЕ НЕТ

На войне в пыли походной,
В летний жар и в холода
Лучше нет простой, природной
Из колодца, из пруда,
Из трубы водопроводной,
Из копытного следа,
Из реки, какой угодно,
Из ручья, из-подо льда —
Лучше нет воды холодной,
Если только есть вода.

Лучше нет — с поста в землянке
До утра побыть жильцом.
Лучше нет, когда портянки
Завернешь сухим концом.

Лучше нет консервной банки
На двоих с другим бойцом...

Лучше нет — во имя дружбы
Прикорнуть к спине спиной.
Лучше нет военной службы
В Красной армии родной!

*Орест Верейский. Из иллюстраций к поэме
«Василий Тёркин». 1943–1946.*

Список источников

302636

Твардовский, А. Фронтовые стихи / А. Твардовский ; редактор Е. С. Северов. – Ростов-на-Дону : Ростовское областное книгоиздательство, 1941. – 37, [3] с. – Текст: непосредственный.

Твардовский, А. Как был написан «Василий Тёркин» (ответ читателям) / А. Твардовский. – Текст: электронный // Библиотека Максима Мошкова / при поддержке Федерального агентства печати и массовым коммуникациям. – URL: http://lib.ru/POEZIQ/TWARDOWSKIJ/as_ter.txt (дата обращения 18.06.2020).

Твардовский, А. Т. «Баллада о Красном знамени». Стихотворение. Автограф. [1940]. – РГАЛИ. Ф. 618. – Оп. 2. – Ед.хр. 550. – Изображение: электронное // Год Литературы. РФ : интернет-портал. – 2014-2015. – Малоизвестные документы и автографы из коллекции Российского государственного архива литературы и искусства. – URL: <https://godliterature.ru/projects/rgali-aleksandr-tvardovskiy> (дата обращения 15.06.2020).

Алябушев, Ф. Прорыв линии Маннергейма / Ф. Алябушев. – Текст: электронный. // Бои в Финляндии. Воспоминания участников : в 2 ч. – Москва : Воениздат, 1941. – Ч. 2. – С. 5-12. – Электронный вариант: Милитера. Военная литература : сайт / Олег Рубецкий. – 2001-2020. – URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/suomi/2_01.html (дата обращения 18.06.2020).

Артюх Владимир Кузьмич / биография предоставлена Уфаркиным Николаем Васильевичем. – Текст: электронный // Патриотический интернет-проект «Герои страны» / координатор проекта Валерий Скоморохов. – 2000-2020. – URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=2821 (дата обращения: 12.06.2020).

Лаптев Григорий Михайлович / материал для биографии предоставлен Владимиром Роговым ; биографию подготовил Сергей Каргапольцев. – Текст: электронный // Патриотический интернет-проект «Герои страны» / координатор проекта Валерий Скоморохов. – 2000-2020. – URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=4673 (дата обращения: 12.06.2020).

Пулькин Григорий Степанович / биография предоставлена Уфаркиным Николаем Васильевичем. – Текст: электронный // Патриотический интернет-проект «Герои страны» / координатор проекта Валерий Скоморохов. – 2000-2020. – URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=1114 (дата обращения: 12.06.2020).

Трусов Михаил Трофимович / биография предоставлена Игорем Сердюковым. – Текст: электронный // Патриотический интернет-проект «Герои страны» / координатор проекта Валерий Скоморохов. – 2000-2020. – URL: http://www.warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=4230 (дата обращения: 12.06.2020).

Фотография Твардовского Александра Трифоновича работы М. С. Наппельбаума. Начало 1940-х. – РГАЛИ. Ф. 2325. – Оп.1. – Ед.хр. 469. – Изображение: электронное // Год Литературы. РФ : интернет-портал. – 2014-2015. – Малоизвестные документы и автографы из коллекции Российского государственного архива литературы и искусства. – URL: <https://godliterature.ru/projects/rgali-aleksandr-tvardovskiy> (дата обращения 15.06.2020).